

Когда он увидел, что красивый и пушистый хвост Юань Бао [1] стал неровным и уродливым, темный огонь в сердце Иньчжэня невозможно было погасить. Пока он гладил белую шерстку щенка, его глаза становились все более и более серьезными.

[1] императорская дворняжка или пекинес. Одна из старейших пород собак в мире и одна из наименее генетически отличающихся от волка. Пекинес был любимым домашним животным императорского двора. «Пусть его передние лапы будут согнуты, чтобы он не захотел далеко уходить или покидать пределы империи», - сказала вдовствующая императрица Цыси. По сей день его обычно называют львиной собакой из-за его сходства с китайскими львами-хранителями. Лев также фигурирует в легенде о его происхождении - лев и мартышка полюбили друг друга, так гласит история, но лев был слишком большим. Лев пошел к Будде и рассказал ему о своих бедах, и Будда позволил ему уменьшиться до размеров мартышки, в результате чего появился пекинес. Происходя от Будды, пекинес сначала был храмовой собакой, и на протяжении веков им могли владеть только члены императорского двора.

«Господин, седьмой брат здесь», - Сяо Луцзы посмотрел на растрепанные волосы Юань Бао и втянул голову в плечи, желая превратиться в пылинку и немедленно исчезнуть.

«Маленький седьмой здесь? - Иньчжэнь убрал руку от собаки. - Впусти его скорее».

- Четвертый брат, я принес тебе кое-что вкусненькое, - знакомый голос из-за двери заставил встревоженное выражение лица Иньчжэня немного смягчиться.

Он встал и посмотрел на мальчика, который снимал плащ, направляясь к нему. Иньчжэнь жестом велел слугам приготовить горячий чай и протянул руку, чтобы накрыть ладонь младшего брата своей:

- На улице все еще идет снег, если нужно что-то сделать, просто попроси слугу передать сообщение.

- Все в порядке. - Инью почувствовал, что его рукам стало теплее, и сел рядом с четвертым братом. - В последние дни много снега, и просто скучно оставаться дома.

- Седьмой агэ, пожалуйста, выпейте чаю.

Дворцовая служанка, которая выглядела лет на пятнадцать, принесла чай. Ее брови и глаза выглядели довольно красиво, и она была немного похожа на его бывшую девушку. Инью не смог удержаться и посмотрел на нее еще несколько раз. Его рука была накрыта четвертым братом, и вытащить ее было нелегко, поэтому ему пришлось просто кивнуть головой подававшей ему чай дворцовой служанке.

Иньчжэнь заметил выражение лица Инью, но его лицо осталось неизменным:

- Седьмому брату, похоже, приглянулась эта дворцовая служанка. Если она тебе нравится, просто скажи, и четвертый брат пришлет ее к тебе сегодня вечером.

Услышав это, Инью поспешно покачал головой. Просить такого человека прислуживать ему нанесло бы ему психологическую травму.

- Это всего лишь дворцовая служанка. - Иньчжэнь поманил Сяо Луцзы, стоявшего сбоку. - Не забудь отправить ее к седьмому брату сегодня вечером.

- Слушаюсь, - Сяо Луцзы поклонился и льстиво улыбнулся Инью. - Седьмой агэ, эта девушка очень энергична, изначально она прислуживала жене наследника престола.

Гуаэр Цзя считалась широко распространенной фамилией в Маньчжурии. Он вспомнил, что у одного из сыновей Канси была супруга с такой фамилией, но он не знал, почему дворцовую служанку рядом с наследной принцессой отправили к четвертому брату. Это было действительно немного странно и озадачило его.

Но поскольку четвертый брат уже сказал свое слово, он не мог воспротивиться. Инью решил сменить тему: «Я слышал, что четвертый брат недавно был в плохом настроении?» До Инью дошли вести, что вчера Канси сделал ему выговор, но, конечно, он бы не сказал этого прямо. Вместо этого он спросил: «Как ты себя чувствуешь?»

Когда Иньчжэнь увидел Инью в таком состоянии, он не мог сказать, что у него было плохое настроение, потому что девятый брат и десятый брат не воспринимали его всерьез. Разве так он не потеряет статус достойного старшего брата?

Подавив недовольство в своем сердце, Иньчжэнь не мог сказать этого при своем младшем брате, поэтому заявил: «Я в порядке, просто с Юань Бао не всё в порядке. В будущем тебе не нужно беспокоиться о таких мелочах, в следующий раз просто попроси слуг, не приходи сюда сам».

Нога седьмого брата и так болела, а дорога была скользкой из-за выпавшего снега. Разве он не боится ещё больше усугубить свою болезнь, если упадёт?

Инью улыбнулся, не ответив. В это время из-за двери донесся детский голос: «Четвертый брат, я слышал, что пришёл седьмой брат. Братец, не забудь нарисовать мне поросенка». Затем Инью увидел маленькую пампушку, одетую как дитя, привлекающее удачу, и вкатившуюся в двери в окружении нянек и дворцовых евнухов.

Как только Инью услышал этот голос, он понял, что это тринадцатый брат. Уголок его рта слегка приподнялся: «Ах, сегодня определенно удачный день, я даже встретил маленького тринадцатого, которого мне не хватало в доме четвертого брата. Сейчас маленький тринадцатый вспомнил о своем седьмом брате? В последние дни ты не приходил навестить меня».

Тринадцатый брат небрежно поклонился им обоим и, потянув Инью за собой, извинился: «Седьмой брат, это четвертый брат сказал, что я не могу тебя беспокоить, а также сказал, что тебе следует отдохнуть, если ты болен. Может, четвертый брат солгал мне?»

Только тогда Инью понял, почему тринадцатый брат не приходил потребовать обещанный рисунок. Он опустился на колени и коснулся головы тринадцатого брата: «Выходит, седьмой брат зря упрекал тебя. Почему бы мне не нарисовать тебе маленького поросенка, чтобы загладить свою вину?»

«Это хорошо, - малыш был удовлетворен, поэтому он быстро скомандовал слугам вокруг себя: - Поторопитесь и приготовьте бумагу и чернила».

Видя это, четвертый брат тоже был беспомощен. Зная, что тринадцатый брат всецело поглощен мыслью о картине, которую должен нарисовать Инью, он встал и сказал: «Я отведу вас в кабинет».

Инью видел, что четвертый брат действительно испытывал много добрых чувств по отношению к тринадцатому брату. В дополнение к тому, что так должно было поступать, это также было связано с тем, что с его нынешним темпераментом тринадцатый брат не мог не вызывать симпатию. Думая так, Инью пошел в кабинет вместе с братьями, где уже были приготовлены кисть и чернила.

Так называемые картины были не чем иным, как традиционной живописной техникой династии Цин в сочетании с современным мультяшным стилем. В результате его картины были менее изящными, чем традиционные картины, но милее, чем современные рисунки. Этот псевдовременный вид живописи не был таким уж удивительным. На самом деле, он действительно не мог понять, почему в некоторых романах о переселении душ главный герой может удивить толпу именно этим, ведь те, кто был впечатлен, явно мало повидали на своем веку. Конечно, если бы главный герой встретил таких людей, как тринадцатый брат, который был всего лишь пятилетним ребенком, в этом был бы смысл.

Этот вид рисования не требовал много энергии, а поскольку Инью изучил каллиграфию и живопись после прибытия сюда, рисовать было очень легко. Несколькими мазками на бумаге появился ребенок в шляпе и с длинной косой, а вскоре за ребенком появился пухлый поросенок. Рядом с ними было красиво добавлено несколько камней для сооружения декоративных горок и несколько мелких растений. На эту картину ему потребовалось время, за которое сгорает всего две палочки благовоний.

- Седьмой брат, этот ребенок - я? - Тринадцатый брат удивленно указал на ребенка, похожего на пампушку.

- Да, это тринадцатый брат и маленький поросенок, - презренный дядя снова начал издеваться над детьми.

- Седьмой брат потрясающий! - воскликнул маленький тринадцатый. Поскольку он был

невысоким, он взобрался на стул и теперь смотрел на картину со счастливым выражением лица.

Инью почувствовал, что с его стороны было действительно нехорошо подтрунивать над детьми.

Иньчжэнь стоял в стороне и слушал, как Инью дразнит тринадцатого брата, и его лицо, которое было каменно-холодным в течение двух долгих дней, наконец-то озарилось улыбкой. Слуги, ожидавшие рядом с ним, вздохнули с облегчением. Хозяин наконец-то перестал выглядеть мрачнее тучи. В глубине души они думали, что только седьмой и тринадцатый братья могут улучшить настроение господина.

Трое братьев пообедали вместе, и вскоре после этого наложница Минь отправила слуг за тринадцатым братом, оставив Инью и Инчжэня читать и писать в кабинете, проводя редкое время в тишине.

Иньчжэнь некоторое время читал книгу, а когда поднял глаза, то увидел, что Инью практикуется в каллиграфии. Он отложил книгу и подошел к письменному столу. Внимательно посмотрев на бумагу, он сказал:

- Способности в каллиграфии седьмого брата в последнее время значительно улучшились.

Инью скривил губы, услышав эти слова:

- Несколько дней назад Хуан Ама увидел мой почерк, сказал мне побольше учиться у тебя, и дал мне набор прописей. Четвертый брат, сейчас бесполезно хвалить меня.

- Кто говорил тебе лениться и не заниматься каллиграфией всерьез? - Иньчжэнь взял кисть из рук Инью и обмакнул ее в чернила.

Он написал на бумаге иероглиф «инь» (□), затем посмотрел на почерк Инью, сравнивая его со своим, и неторопливо продолжил:

- Хотя твой почерк легко различим, в двух чертах не хватает твердости, но ты все еще юн, и со временем усовершенствуешься.

- Четвертый брат, ты всего на два года старше меня, - сказал Инью. Этот сопляк утверждает, что он все еще юн, Инью почувствовал себя невыразимо обиженным, но, в конце концов, просто пробормотал: - Впрочем, Хуан Ама уже давно хвалит твой почерк.

Что мог сказать четвертый брат? Что люди не одинаковы, что его и Инью нельзя сравнивать, потому что он занимался каллиграфией более серьезно и прилежно, чем он? В конце концов, он решил спасти пошатнувшуюся самооценку Инью:

- Твой почерк тоже очень красивый. Почерк восьмого брата намного хуже твоего.

Инью потерял дар речи. Он был взрослым мужчиной, за плечами которого был большой жизненный опыт, и теперь его поставили в один ряд с сыном, которого Канси в истории критиковал за его уродливый почерк. Было ли это комплиментом, или проблема заключалась в различии талантов людей? Более того, это был первый раз, когда он узнал, что достойный император Юнчжэн тоже может делать подобное - разоблачать недостатки людей за их спинами. Как и ожидалось, история не всегда соответствует действительности.

Наследный принц был умен с детства, не говоря уже о каллиграфии и живописи, третий брат также был очень хорош в поэзии. Четвертый брат всегда был хорошим учеником, который усердно учится. Каллиграфия и живопись пятого брата также были довольно выдающимися. Хотя его каллиграфия и способности к рисованию неплохие, в нем действительно нет ничего особенного по сравнению с этими людьми

Следует ли винить его за то, что он был слишком посредственным, или сыновей Канси следует винить за то, что они были слишком умными и способными?

Видя, что выражение лица Инью было неправильным, Иньчжэнь подумал, что его все еще волнуют слова Хуан Амы, поэтому ему пришлось попросить Сяо Луцзы принести ему несколько новых игрушек:

- Ты можешь забрать эти вещи с собой и поиграть с ними, если есть что-то, что понравилось тебе за пределами дворца, я куплю это для тебя.

Инью смотрел на различные предметы, лежащие перед ним, служащие цели утешить его, и сказал спустя мгновение:

- Четвертый брат, мне уже одиннадцать лет.

- Да, брат знает, - Иньчжэнь дотронулся до головы Инью и взял книгу об охране водных ресурсов, чтобы почитать.

Инью еще раз молча взглянул на изысканные и ценные вещи, с которыми определенно не стоило играть в его возрасте:

- Эти безделушки...

Иньчжэнь поднял глаза на Инью и улыбнулся ему:

- Эти вещи я спрятал от маленького тринадцатого. Теперь они все твои, смотри, веди себя хорошо и не расстраивайся. Четвертый брат немного почитает, а ты потихоньку попрактикуйся в написании иероглифов.

Лицо Инью внезапно побагровело. Какой хороший мальчик! Неужели его одиннадцатилетний брат действительно опустился до того, что ворует игрушки своего пятилетнего брата? Дурень, он же на самом деле здоровый дядька!

Перекусив во второй половине дня, Инью вернулся в свою резиденцию и пробыл там некоторое время, когда вошел Фу До с озабоченным лицом: «Господин, четвертый брат прислал служанку...»

Цвет лица Инью слегка изменился, а затем он сделал глоток горячего чая.

- Позови ее, мне нужно кое-что у нее спросить.

Фу До быстро привел девушку наверх. Инью пригляделся повнимательнее и почувствовал, что эта девушка не похожа на его бывшую девушку, поэтому спросил:

- Как тебя зовут?

Она вежливо поклонилась, затем опустила голову и спокойно произнесла:

- Отвечаю господину: эту служанку зовут Хай Юнь.

- Хай Юнь, - Инью подул на чайные стебельки на поверхности чашки, - ты прислуживала четвертому брату?

- Отвечаю седьмому агэ: несколько дней назад Его Высочество наследный принц приказал этой служанке прислуживать четвертому брату. - Хай Юнь с покорностью в голосе продолжила: - Наследный принц сказал, что тот, к кому меня приставили, будет моим хозяином.

- Ладно, я понял, - Инью поставил чашку. - В будущем ты будешь следовать за Юньчжу. Можешь идти.

- Служанка откланивается.

Инью посмотрел на худую спину Хай Юнь и слегка опустил веки. Разве она не была человеком наследного принца? Неудивительно, что четвертый брат не хотел держать ее при себе. Иньчжэнь не обидит наследного принца, отдав ее Инью. Держать этого человека рядом с Юньчжу тоже было безопасным вариантом.

Просто этот шаг четвертого брата вызывал удивление: он не боялся вызвать недовольство наследного принца? И был ли у него способ справиться с наследным принцем? Как бы то ни было, Инью не знал, как обстоят дела с «фракциями принцев». Он знал только, что наследный принц в конечном итоге будет упразднен, и восьмой брат также падет, когда наследному

принцу вернуть титул.

На самом деле, все зависело от Канси. Если Канси думал, что это хорошо, это было хорошо. Если он кого-то не любил, то бороться было бесполезно.

Он знает конец истории, поэтому не хочет участвовать во всем этом. Его не волновали интриги четвертого брата, и он не хотел в это вмешиваться. Он просто хотел прожить хорошую жизнь.

<http://bllate.org/book/15126/1336927>